

Я ожидал, что упаду головой вниз, но боли не последовало — пушистый комочек взмыл в воздух, оказавшись в надежных руках.

Из-за наступившей темноты, хотя коты и видят в ночи, Цзян Ли, будучи человеком, к такому не привык. По пути он то и дело спотыкался, а возможно, наступил в лужу, и теперь его нежные розовые лапки выглядели донельзя грязными.

Ци Хуайчжоу смотрел на пушистый комочек бесстрастным взглядом. Под его тяжелым вниманием котенок начал озираться по сторонам, чувствуя себя крайне виноватым, и совершенно не решался встретиться с ним глазами.

Спустя мгновение Ци Хуайчжоу подошел к столу, взял платок, намочил его водой из чашки и принялся неспешно отмывать испачканные лапки. В свете лампы его длинные ресницы отбрасывали тень на скулы, скрывая холодный блеск в глазах.

Очарованный красотой юноши, котенок поднял уже чистую лапку и хлопнул ею по худому лицу своего спасителя.

Юноша слегка поднял взгляд, и в его глазах будто промелькнули ледяные осколки зимней стужи. Котенок тут же пришел в себя, жалобно мяукнул, пытаясь сгладить ситуацию, а в итоге просто свернулся калачиком на руках у Ци Хуайчжоу и притворился мертвым.

Глядя на пушистый комок, прикинувшийся бездыханным у него на руках, Ци Хуайчжоу бесстрастно протянул руку и взъерошил шерстку на голове котенка. В этот раз он приложил чуть больше силы, так что «мертвый» котенок начал раскачиваться из стороны в сторону, а его пух на макушке встал дыбом, превратив его в настоящий взъерошенный белый шар.

После такой трепки котенок, натворивший дел, пребывал в полном замешательстве — казалось, будто он залпом выпил бутылку крепкого алкоголя, и теперь мир для него кружился, не разбирая, где небо, а где земля.

Ци Хуайчжоу с интересом наблюдал за этим зрелищем. Он встал и положил комочек на свою кровать. Тот, словно пьяный, шатаясь из стороны в сторону, ткнулся головой в мягкое одеяло.

Долгое время Цзян Ли не мог отойти от этого ужасного головокружения. Он злобно уставился на юношу и принялся издавать утробное урчание, воображая, что это грозный «рык дракона», совершенно забыв, что сам же первым начал хулиганить.

Столкнувшись с «грозным» котом, который первым перешел в наступление, Ци Хуайчжоу, чье лицо было холодным и прекрасным, словно белый нефрит, наконец проявил хоть какие-то эмоции. Однако перемена была столь мимолетной, что Цзян Ли, занятый своим рычанием, ничего не заметил.

— ...Сюэну, — Ци Хуайчжоу поднял руку и нежно пригладил взлохмаченную шерстку кота, едва разомкнув губы.

Цзян Ли впервые услышал голос юноши. У того не только была несравненная, ослепительная внешность, но и голос оказался невероятно приятным.

Котенок, только что «рычавший по-драконьи», мгновенно затих. Он послушно забился в угол кровати и, широко распахнув влажные глаза, уставился на тонкие губы юноши: «Красавчик, не останавливайся, скажи еще что-нибудь!»

Увы, Ци Хуайчжоу не собирался продолжать. Встретившись взглядом с блестящими, полными жизни глазами котенка, он вытянул длинный, бледный палец и ткнул им зверька, опрокинув того на постель.

Не услышав больше чарующего голоса, котенок рассерженно вскочил и, раскрыв рот, вцепился зубами в палец юноши.

Котенок промахнулся, покатился по толстому одеялу и, едва удержав равновесие, тут же был снова опрокинут пальцем юноши.

Так они проиграли полчаса: один толкал, другой прыгал, пока котенок не выбился из сил. Положив голову на подушку юноши, он высунул розовый язычок и растянулся без чувств.

Когда лишняя энергия, уходившая на шалости, иссякла, можно было и отдохнуть. Ци Хуайчжоу задул лампу, подошел к кровати и прилег.

Глаза котенка в темноте светились, как две жемчужины. Он моргнул, глядя на юношу. Тот лежал неестественно прямо и неподвижно; в глазах котенка это выглядело так, будто на него сейчас накинута белая ткань, как на покойника.

Чья-то властная рука надавила котенку на макушку, и пушистый комок тут же вытянулся в струнку, снова перейдя в состояние «прикинуться мертвым».

Ци Хуайчжоу убрал руку. Котенок, мечтавший о проделках, наконец-то затих. Его яркие, полные энергии глаза закрылись, лишь мягкий пушистый хвост изредка касался лица юноши.

В этот раз Цзян Ли пробыл в облике пушистого комочка целых три дня, прежде чем снова принял человеческий облик. К счастью, накануне вечером он послушал ворчание Брата Шэна и не остался спать в комнате юноши. Иначе, обнаружив поутру, что в его постели спит голый взрослый мужчина...

Ох, это была бы жуткая и пугающая история. Боюсь, юноша снова протянул бы свою руку к его гладкой шее. Цзян Ли уж точно не хотел больше испытывать то чувство, когда тебя душат, стоя

на пороге смерти.

Размышляя об этом, он потянулся к одежде у изголовья. За эти дни он уже освоил способы ношения одеяний Великого Ци и больше не путался в них, как в прошлый раз.

Вспомнив, как чуть не погиб от рук юноши, Цзян Ли, шаркая ногами, достал из комнаты маленькое зеркальце.

Оно выглядело очень изящно и было сделано из редкого стекла. Эту вещицу Брат Шэн купил пару дней назад, когда ходил за покупками, сказав, что увидел ее на улице и решил взять просто для забавы.

Цзян Ли подумал, что это зеркальце похоже на то, каким пользуются девушки в его мире, чтобы поправить макияж. Он, будучи настоящим мужчиной, разумеется, не собирался целыми днями любоваться собой, а лишь хотел представить, каково это — быть владельцем такого милого котика.

Затем Цзян Ли подумал: этот белоснежный милый котик — он сам. А значит, сам кот никогда не узнает радости поглаживания прекрасной персидской кошки. Счастье любителя кошек испарилось, и Цзян Ли, «разъяренный», зашвырнул зеркало в дальний угол.

Глядя в это не слишком прозрачное стекло, Цзян Ли потрогал свою шею. Вероятно, прежний хозяин тела рос в достатке в императорском дворце, поэтому его кожа была склонна к образованию шрамов — любой ушиб или царапина оставляли синяки. Сейчас следы на шее все еще выглядели пугающе, но, как бы он их ни трогал, боли уже не было.

Во дворе было тихо, лишь изредка доносились звуки колки дров. Цзян Ли невольно усмехнулся: юноша, похоже, совсем не любит общаться с незнакомцами. Каждый день он либо сидит под навесом, рубит дрова и носит воду, либо ест и сразу уходит к себе в комнату — настоящий домосед.

Цзян Ли приоткрыл дверь. На кухне было пусто. Брат Шэн уже наелся приготовленной им самим еды, так что, раз его нет, значит, он ушел покупать завтрак.

Ворота двора были плотно закрыты. Юноша, как обычно, сидел под навесом и методично рубил дрова.

Цзян Ли на цыпочках вышел во двор. Юноша, казалось, услышал чужие шаги и резко обернулся. Цзян Ли тут же притворился сонным, протер глаза и тихо пробормотал: — Брат Шэн, Брат Шэн, я так проголодался, что сегодня на завтрак?

Настоящий актер. Цзян Ли, продолжая тереть глаза, похвалил свою блестящую игру.

В тот миг в глазах Ци Хуайчжоу словно проступили капли алой крови. Он холодно смотрел на подошедшего юношу. В прошлый раз, очнувшись от тяжелых ран, он подумал, что этот юноша очень похож на слабоумного из Шэнцзина. Теперь же, наблюдая вблизи, он утвердился в своем мнении еще больше.

Однако всего через мгновение ненависть в глазах Ци Хуайчжоу исчезла. Внутри него воцарилась холодная пустота — такая равнодушная, словно перед ним была лишь безжизненная трава.

Долго не получая ответа, Цзян Ли понял, что стоять с поднятыми руками — довольно глупо. Он украдкой опустил руки и с испуганным видом, изображая обиду, отступил на пару шагов: — ...Это ты. А где мой Брат Шэн?

Ци Хуайчжоу бросил мимолетный взгляд на огромный синяк на шее юноши, молча сел обратно на табурет и, взяв топор, продолжил рубить дрова, не собираясь отвечать.

Цзян Ли задрожал, почувствовав внезапный холод — хотя на дворе стояло лето. Глядя на то, как юноша раз за разом опускает топор, он почувствовал, что тот рубит не дрова, а его самого.

Он помотал головой, пытаясь отогнать эту смертельно страшную мысль. Цзян Ли не понимал: неужели юноша решил переколоть все дрова во дворе?

Он взял низкий табурет, притащил его во двор и, колеблясь, сел напротив юноши. Не то чтобы Цзян Ли не помнил боли, но, когда он был Сюэну, юноша хоть и носил маску холода, когда гладил кота, был очень нежным!

Человек, который любит кошек, разве может быть плохим? Поэтому Цзян Ли моргнул и тихо спросил: — Меня зовут А Ли, а тебя как?

Ци Хуайчжоу замер с топором в руках. Юноша был не только похож на того слабоумного, но и имя носил такое же. Разве в мире бывают такие совпадения? Он отложил топор и, холодно глядя на парня перед собой, ответил: — Хуайчжоу. Фамилия Хуай, имя Чжоу.

В бесчисленных повторениях судьбы «Цзян Ли» всегда был слабоумным и ни разу не смог обрести разум. Ци Хуайчжоу, помня, что тот был кровным родственником его тети, раз за разом проявлял снисходительность.

Но если этот «Цзян Ли» тоже проживал жизнь заново, то это могло быть только в первой жизни. Та жизнь уже казалась Ци Хуайчжоу очень далекой, но он все еще помнил, как «Цзян Ли» предал Великое Ци, впустив врага и обрекая империю на гибель под копытами коней Цянди.

Каким же был конец того «Цзян Ли»? Кажется, он сошел с ума от потрясений, а позже новый

правитель Цянди принес его в кровавую жертву как первого, кто ворвался в императорскую столицу Великого Ци.

В любом случае, «Цзян Ли» должен был видеть его и знать его имя. Ледяной, пронизывающий взгляд Ци Хуайчжоу не отрывался от юноши, следя за каждым его движением и выражением лица.

Но Цзян Ли в итоге разочаровал Ци Хуайчжоу. Для Цзян Ли, который «читал много книг», было нормой просматривать романы по диагонали, пропуская страницы. Запомнит ли он имя героя, зависело только от удачи. К тому же в современном мире было так много книг, что не встретить тезки было почти невозможно — в любой истории найдутся персонажи с одинаковыми именами.

Поэтому сейчас Цзян Ли лишь показалось, что имя Хуайчжоу звучит знакомо и приятно. Не более того. Он даже подумал про себя, что имя довольно обычное, просто из-за того, что юноша так красив, оно кажется лучше, чем есть на самом деле.

Вдруг Цзян Ли вспомнил одного очень, очень милого человека. Глядя в суровое лицо юноши, он с важным видом сложил руки и вежливо произнес: — Рад знакомству, господин Хуай!

Ха-ха-ха, это все потому, что Ди Хуайин, стоило ему выйти прогуляться, всегда представлялся как Хуай Ин. В голове Цзян Ли невольно наложились лица пухлого Ди и холодного юноши. Нет, он больше не мог это представлять.

Юноша, вспомнив о чем-то, едва сдерживал улыбку в уголках глаз.

<http://bllate.org/book/21171/2144751>